

Остров убийц

Про книгу

Лиля, сбежав из семьи, устраивается на работу медсестрой в элитную психиатрическую клинику, которая находится на острове, в здании бывшего монастыря. Девушка подписывает контракт, согласно которому год не может покинуть клинику. На острове мобильными телефонами и компьютерами разрешено пользоваться только руководству клиники, но это далеко не самое странное, что происходит тут. Лиля старается не задумываться о том, какие дела проворачиваются в больнице, пока не узнает, что это самое настоящее гетто, в которое попадают те, от кого хотят избавиться серьезные конкуренты, бывшие супруги и компаньоны. Перепуганная девушка решает на побег. Однако из клиники не так легко уйти...

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

ОСТРОВ УБИЙЦ

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

**ОСТРОВ
УБИЙЦ**

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**
2020

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-7715-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

Электронная версия создана по изданию:

Ліля, утікши з сім'ї, влаштовується на роботу медсестрою в елітну психіатричну клініку, яка розташована на острові, у будівлі колишнього монастиря. Дівчина підписує контракт, за яким рік не може залишати клініку. На острові мобільними телефонами та комп'ютерами дозволено користуватися тільки керівництву клініки. Це не найдивніше, що відбувається тут. Ліля намагається не замислюватися над тим, що коїться в лікарні. Поки не дізнається, що це місце — справжнє гетто, у яке потрапляють ті, від кого хочуть позбутися конкуренти, колишні подружжя та компаньйони. Перелякана дівчина зважується на втечу. Однак із клініки не так легко піти...

Майдуков С.

М14 Остров убийц : роман / Сергей Майдуков. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 256 с.

ISBN 978-617-12-7444-0

Лиля, сбежав из семьи, устраивается на работу медсестрой в элитную психиатрическую клинику, которая находится на острове, в здании бывшего монастыря. Девушка подписывает контракт, согласно которому год не может покидать клинику. На острове мобильными телефонами и компьютерами разрешено пользоваться только руководству клиники. Это далеко не самое странное, что происходит тут. Лиля старается не задумываться о том, какие дела творятся в больнице. Пока не узнает, что данное место — настоящее гетто, в которое попадают те, от кого хотят избавиться конкуренты, бывшие супруги и компаньоны. Перепуганная девушка решается на побег. Однако из клиники не так легко уйти...

УДК 821.161.1

© Майдуков С. Г., 2020

© Depositphotos / tolokonov; ponomarenko; doncon402; zeferli@gmail.com; 4559585, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ГЛАВА 1

ОДИН В ПОЛЕ

По краю поля тянулась лесополоса, облитая белой пеной цветущих абрикосов. Оттуда бил крупнокалиберный пулемет, и наверняка вся земля там была усыпана лепестками, похожими на снег.

— Прижали, суки, — пробормотал Мирон.

Лицо у него почти не отличалось цветом от пыльных берцев, зубы и белки глаз блестели, как фарфоровые. В таком виде только Отелло играть. Молилась ли ты на ночь, бляха-муха?

— Темноты надо ждать, — сказал Артем. — Ночью выберемся.

— Куда ты выберешься, нах? — мрачно спросил Мирон. — Да еще в темноте. Как ты себе это представляешь?

Вопрос был риторический, но задан по существу.

Поле, в какую сторону ни поверни, было минировано-переминировано. Это чудо, что Мирон с Артемом до сих пор пребывали в целости, а не состояли из кишок и конечностей, разбросанных как попало. Спасаясь от обстрела, они сползли с проторенной самовольщиками тропы и теперь не знали, как на нее вернуться. Вот тебе и затарились водочкой. Из тех двоих, что с ними шли, двухсотых слепили в самом начале, вlepив из калаша чуть ли не в упор. Мирона и Артема пока бог миловал, хотя это как посмотреть. Теперь, когда подтянули «Утес», шансов уйти с поля живыми, практически, не было.

— Разве что бегом рвануть? — задумчиво произнес Мирон.

— Вот именно что рвануть, — сказал Артем. — Бесплатное пиротехническое шоу. Потом лежишь такой, а твоя же задница к тебе лягухой подскакивает и вежливо так спрашивает: «Извините, это не вы меня потеряли?»

Их истеричный смех был прерван рокотом заработавшего «Утеса». Пулеметчик бил наугад, стремясь заставить залегших бойцов запаниковать и обнаружить себя. Очереди были короткие и расчетливые. Дых-дых-дых. Дых-дых-дых... Потом еще отрывистее:

дых-дых... дых... дых... И вдруг быстро, не умолкая: ды-ды-ды-ды-ды-дых!

— Как думаешь, полезут они к нам? — спросил Мирон, посерьезневший, словно распознав в тарахтении пулемета некое пророческое послание, не сулящее ничего хорошего.

— Оно им надо? — поморщился Артем. — Минами закидают и все дела.

— Так нет у них миномета вроде.

— Для такого дела найдут.

— Падлы, — сказал Мирон, ворочаясь в своей броне, как черепаха в панцире.

— Если выберусь, уеду к такой-то матери, — заявил Артем, просовывая пальцы под шлем, чтобы почесать взмокший лоб.

Солнце припекало не по-майски жестко. Продержаться по такой жаре до ночи будет непросто. Но придется. И отходить по минному полю тоже придется, никуда не деться. Подмоги не будет. Отправляясь вчетвером за спиртным и сигаретами, бойцы, естественно, никого не поставили в известность о своей затее. Сами кашу заварили, самим теперь и расхлебывать.

— У тебя фляга полная? — спросил Артем.

— Свою посеял, что ли? — буркнул Мирон недовольно.

Ему определенно не хотелось делиться водой. Понять его было несложно. Артем и сам не любил выручать растяп, отказывая себе в чем-то необходимом. Вместо ответа он протянул свою флягу, пробитую и смятую пульей.

— Повезло, — оценил Мирон. — Ты счастливчик, Артемка.

— Счастливчиков пулеметным огнем на минных полях не прижимают. Они сейчас в кафешках и на пляжах. С девочками.

— А мы за них тут корячимся. Кровь, блин, проливаем.

— Лично я сам за себя, — возразил Артем. — И за бабки.

— Молчит, — сказал Мирон, имея в виду пулеметчика. — Небось, миномет подтаскивают. Нужно отходить, — заключил Мирон. — Давай по очереди. Сперва я, потом ты.

— Договорились. По пятьдесят метров.

— Я что, хреном их отмерять буду — метры?

— Ну считай тогда.

— До ста?

— Давай лучше до трехсот, — предложил Артем. — Получится минут по пять. Потом меняемся.

— За пять минут можно десять раз подорваться, — сказал Мирон.

— Хорош торговаться. Пошли. Ща поглядим, какой я счастливчик.

С этими словами Артем бойко пополз прочь от лесополосы. Мирон, поколебавшись, пристроился за ним.

— Мне считать или ты будешь? — пропыхтел он.

— Не надо считать. Я первым до конца пойду.

— Крутой больно?

— Подкрученный.

Артем умолк, экономя кислород, которого уже не хватало. Размеренно отталкиваясь коленями и виляя задом, он старался не думать о том, что каждый бугорок, каждая впадинка могут таить в себе смерть. Пока что враг их не обнаружил, и то хорошо. Они ползли вдоль едва заметной ложбины, пересекающей поле. Его давно никто не перепахивал, и комья успели затвердеть и слежаться. Бурьян торчал редкими клочьями, как борода у китайца. Хреновое прикрытие, но уж какое есть.

— Сука, — выругался позади Мирон. — И где только взялась на нашу голову? Пошла вон! Вот же увязалась!

Оглянувшись, Артем увидел худющую псину, которая неспешно трусила следом, явно рассчитывая на подачку от людей.

— Это кобель, — сказал он, приглядевшись.

— Какая, хрен, разница? Нам от этого не легче. По ней нас вычислят.

Мирон как в воду глядел. «Утес», вражина, ожил в лесополосе, полоснул по полю длинной очередью. Пса словно корова языком слизала — не поймешь, то ли удрал, то ли разлетелся в клочья. Товарищи вжались в землю, плюща физиономии. Рты и глаза наполнились пыльной трухой. Думать стало невозможно. Мысль была одна на двоих, двусложная, без конца повторяющаяся, бесполезная.

Хана. Хана. Хана.

Когда пулеметная долбежка прекратилась, Артем очумело заморгал слезящимися глазами. Над взрыхленной землей висело серое марево. Артем чихнул, ударившись носом о землю. Потом еще и еще, уже удерживая голову в тяжелой каске.

— Ух ты! — сказал Мирон. — Суточный боезапас в нас выпустили. Может, теперь угомонятся?

— Я так не думаю, — сказал Артем. — Чем еще... чих! Чем еще им заниматься? Друг на друга драть? Веселее нас убивать.

Его слова подтвердились очень скоро.

Жах! В бурьяне, метрах в сорока, не больше, рвануло, подбросив тучку пыли, плавно поплывшую по ветру, подобно мультяшному призраку. Мирон хотел как-то это прокомментировать, но рвануло опять, немного ближе. По спинам и шлемам застучали комья земли.

— Кажись, из АГСа забрасывают, — сказал Мирон.

— Главное, чтобы из миномета не сыпанули, — сказал Артем.

— Не станут они себя обнаруживать из-за нас двоих. Гранаты пулять — это одно. А трубу наши сразу вычислят. Ответку пошлют.

— У них азарт разыграл. Сдавай назад. В ложбинке, может, не зацепит.

Едва они отступили, пятась, как впереди поднялся взрыв, похожий на грязный куст, а потом такие кусты начали вырастать там и сям, пытаясь отыскать двоих людей, переживающих обстрел совсем рядом.

— Десять, — насчитал Артем, когда миномет умолк. — Ящик расстреляли. Теперь успокоятся. Разве что снайпера поставят раненых добивать. — Тебя зацепило?

Мирон промолчал. Артем, не поднимая головы, вывернул шею, чтобы посмотреть назад. Он увидел, что из каски товарища торчит зазубренный кусок железа, как если бы каску эту приколотили к голове гвоздем. Намертво.

— Ах ты, — пробормотал Артем. — Что ж ты так...

Ему было не только жаль Мирона, но и обидно, потому что теперь выбираться с поля предстояло в одиночку. Он чувствовал себя так, словно его бросили в беде. Обида сменилась вспышкой злости, а потом все прочие чувства сменил страх. Артем не верил, что сумеет выползти с поля один. Он даже не мог заставить себя сдвинуться с места. Казалось, стоит вытянуть руку или поменять положение, как наткнешься на мину или навлечешь на себя огонь. Рано или поздно, конечно, все равно пришлось бы ползти дальше, но сначала произошло то, чего Артем никак не ожидал.

Земля качнулась, где-то вдали ахнуло, и вдруг от края горизонта через все небо полетели рядами огненные осы, нагоняя друг друга. Артем

схватился за землю, уходящую из-под него. Это били «грады» — били по обнаруженным вражеским позициям. Пока над головой проносился этот гудящий шквал, было такое ощущение, что ты стал необычайно легким, почти невесомым, и тебя вот-вот вскинет в воздух и понесет следом за пылающими стрелами, как мусоринку, втянутую смерчем от мчащейся фуры.

Ракеты дружно валились в посадку, утонувшую в дыму. Долгая и конвульсивная ударная волна долетела до Артема, пригнула траву и обдала пылью. Он сел, повернувшись в сторону посадки. Когда грязная туча осела, стало видно, что цветущих деревьев не осталось — осыпались.

— Неслабо жажнули, — сообщил Артем Мирону, как будто тот мог его слышать.

Больше не с кем было поделиться впечатлениями от увиденного и пережитого, а эмоции переполняли и были столь сильны, что Артема била нервная дрожь. Он посидел, успокаиваясь. В какую сторону податься? В ту сторону, откуда ударили «грады»? К раздолбанной посадке? Вперед? Назад?

— Что скажешь, Мирон? — спросил Артем. — Куда двинем?

Ответом было молчание. С осколком в темечке не до разговоров.

— Ладно, — сказал Артем. — Тогда пока. Я тебя не понесу, извини. Только намучаюсь, а потом все равно брошу. Далеко. И не в кино мы. Это жизнь, братка. Хотя для тебя уже нет. Извини.

Артем поднялся во весь рост, озираясь. В отдалении сидел тот самый пес, который подвел их под монастырь, выдав их местонахождение. Он часто дышал, приветливо склонив голову набок и вывалив розовый лоскут языка.

— Иди сюда, — позвал Артем. — Жрать хочешь?

Пес жрать хотел, очень хотел и не скрывал этого. Гавкнул, сглотнул и потрусил на зов. Артем скормил ему немного шоколада и два печенья. В карманах Мирона ничего съестного не нашлось. Артем забрал мобильник, банковские карты, документы и сказал псу:

— Веди, Сусанин. Я тебя покормил? Покормил. Отрабатывай давай.

Сусанин сел на тощую задницу, просительно заглядывая Артему в глаза.

— Нет ничего. — Артем развел руками и заодно подвесил автомат поудобнее. — Если к нашим выведешь, я тебя так накормлю, что пузо лопнет. А теперь пошли. Степ бай степ, понял? Переставляй лапы. Давай, давай.

Он тронул пса носком ботинка. Тот вздохнул и припустил рысью, оглядываясь. Артем зашагал следом, стараясь не отклоняться в стороны. Дистанцию он соблюдал приличную, на тот случай, если четвероногий проводник подорвется. Он шел и не оглядывался назад, потому что не было там ничего такого, на что хотелось бы смотреть. Война для Артема Дергача закончилась. Был май. Время близилось к вечеру.

ГЛАВА 2

ДУРМАН-ТРАВА

Когда-то школа носила имя какого-то пионера-партизана. Впоследствии ее переименовали в общеобразовательную гимназию «Век», отчего она сама по себе не изменилась. Преподавать в ней остались те самые унылые тетki, озабоченные выживанием, а не тем, как сеять среди учеников разумное, доброе, вечное. Считанные мужчины были плохонькие, заурядные, не пользующиеся ни авторитетом, ни популярностью. Однако выпускной вечер словно окутал все это общеобразовательное убожество некой волшебной пеленой, скрадывающей неприглядные детали и вышибающей слезу умиления.

Вестибюль с обшарпанными колоннами и мутными зеркалами украсили гирляндами бумажных цветов. В спортивном зале составили столы и накрыли их белой материей. В коридорах развесили воздушные шары и поздравления, выведенные на бумаге малярной кистью. На сцене актового зала вывесили малиновый плюшевый занавес с кистями.

Родители хлопали, учителя кисло улыбались, ученики торжественно вскидывали руки с аттестатами. Все это было озвучено хитами десятилетней и даже двадцатилетней давности, неразборчиво гремящими из динамиков. Были прочитаны соответствующие стихи (про то, что «уж осталось нам немного, впереди у нас дорога»), спеты две песни на стихи завуча Юлии Александровны Плющ, произнесены витиевато-путанные речи, вручены букеты и памятные подарки. На этом торжественная часть закончилась. Большую часть родителей (не входящих в родительский комитет) спровадили по домам, остальные расселись за столами, а выпускникам милостиво позволили топтаться в дальнем углу, который по замыслу устроителей должен был изображать танцпол дискотеки.

Желающих выставить себя на посмешище нашлось немного. Большинство выпускников как-то незаметно рассеялось и

растворилось в ночи. Кто отправился в клуб, кто — на вечеринку, кто просто вызвался гулять до утра.

В последнюю категорию попала Лиля Ивлева. Это была довольно высокая девушка со жгучими — как говорили в старину — глазами, точеной фигурой и манерой надменно выпячивать нижнюю губу. На самом деле привычка была порождена не чувством превосходства, а осталась с детства и давно стала частью Лилиной натуры. На самом же деле она была довольно застенчива и постоянно штудировала статьи о том, как выработать решимость, обрести твердый характер и научиться говорить «нет».

Была ли она красива? Да, как каждая молодая девушка, ведущая здоровый образ жизни, выросшая в благоприятных условиях и не отягощенная слишком уж плохой наследственностью. Спортом Лиля не занималась, хотя примерно раз в месяц, придирчиво осмотрев себя в зеркале, могла отправиться на пробежку или в гимнастический зал. Одевалась не стильно, но модно, то есть как все вокруг. Если бы это было в ее силах, она удлинила бы себе ноги и уменьшила грудь, создающую проблемы при выборе купальников и общении с парнями. Они вечно пялились на Лилин бюст и тянули к нему руки, что являлось для нее скорее раздражающим, чем обнадеживающим фактором. Она не спешила замуж и не приходила в умиление при виде детей. Сначала нужно было выучиться на медика, устроиться на хорошую работу, а там уже встретить того замечательного мужчину, от которого захочется заиметь ребенка.

Родителям такая рассудительность дочери нравилась. Они гордились Лилей и постоянно ставили ее в пример старшей сестре, которая успела родить ребенка, сменить двух мужей и бог знает сколько любовников.

Сестра Лилю ненавидела и звала непорочной девой. Возразить на это было нечего. Не могла же Лиля признаться, что с невинностью она рассталась еще на прошлых летних каникулах, когда родители имели неосторожность отправить ее в молодежный лагерь. Все произошло так внезапно и быстро, что она не успела ни подготовиться, ни испугаться, ни включить так называемую девичью гордость. Целовалась-целовалась, а потом как-то вдруг лишилась и трусов, и девственности, именно в такой последовательности. Самое обидное,

что не было ни любви, ни даже романтических чувств. Парень был смазливый, но страшно глупый, провонявший никотином. Как Лиля повелась на его нехитрые уловки, непонятно. После той ночи ей пришлось придумать себе болезнь, чтобы уехать домой и не встречаться с соблазнителем, который, разумеется, растрепал о своей победе всем друзьям, провожавшим Лилю взглядом голодной собаки.

Психологической травмой тот случай для нее не стал. Напротив, она была довольна, что увидела любовь с изнаночной стороны. Это позволило ей относиться к мужскому полу предвзято и с изрядной долей здорового скептицизма. Какие-нибудь наивные девчонки, очертя головы, бросались в омут любовных отношений, а потом выныривали оттуда с ошарашенным видом и положительными результатами тестов на беременность. Лилля же сохраняла расчетливое хладнокровие и не торопилась отдаваться ухажерам, точно зная, что никаких сногшибательных ощущений и переживаний в постели не будет.

Когда Лиле предложили смыться с выпускного вечера и погулять в парке, она без колебаний согласилась. Это было безопасней и разумней, чем тащиться за город к кому-нибудь на дачу или скакать до утра в ночном клубе. Лилля твердо для себя решила, что никто из одноклассников ей в будущей жизни не понадобится, поэтому незачем тратить на них время. Тем не менее нельзя было вот так взять и резко отвернуться от всех тех, с кем на протяжении десяти лет постоянно терся рядом. Совместная прогулка была лучшим способом отдать должное общему прошлому, а потом выбросить его из головы.

Они отправились на поиски приключений вшестером. Когда Саша Беляев побежал в магазин за добавкой, их оставалось уже только четверо — Сашок, Лилля, Алиска Щукина и изрядно захмелевший Костя Шулявин. Алиса все уговаривала своего ненаглядного Костика не отключаться и в конце-концов вызвалась сопровождать его домой, так что Сашку и Лиле пришлось допивать ликер вдвоем. Напиток был сладкий, теплый и совершенно не хмельной, как она отмечала всякий раз, допивая свою порцию из мягкого прозрачного стаканчика.

— Ты куда поступать собираешься? — спросил Саша.

Они сидели на широкой скамье без спинки, прикрытой со всех сторон высокими кустами с мягкими метелками вместо листьев. От озера тянуло сыростью и гнилью, там утробно вскрикивали и икали

лягушки. Большая бутылка ликера стояла на скамье твердо и увесисто, не оставляя сомнений в том, что она должна находиться здесь этой теплой июньской ночью, когда все по-взрослому и все позволено.

— В медицинский, — сказала Лиля. — На платный. Без денег туда нечего и соваться. Конкурс — тридцать человек на место.

— А я в бизнес пойду, — сказал Саша. — У меня брат лекарства по аптекам распикивает. Я прошлым летом занимался, у меня нормально получалось. До сих пор при деньгах.

Белая рубаша на нем сидела пузырем, но была явно дорогая, как и брючки и туфли из мягкой черной кожи. Он благоухал хорошим парфюмом и носил золотую цепочку, заманчиво поблескивавшую в темноте.

— За успех! — Лиля подняла стаканчик и обнаружила, что он пуст. — Эй, кавалер! — воскликнула она. — А кто за дамой ухаживать будет?

— Извини.

Саша немедленно исправил оплошность. Они неспешно выпили, закусили мандариновыми дольками. Лиле было хорошо. И с каждой порцией ликера ей становилось все лучше и лучше. Она сообщила об этом Саше.

— Австрийский, — пояснил он. — Не здешнего разлива, не подделка. Брат из Вены привез.

— Повезло тебе с братом.

— Он говорит, что у меня тоже есть все задатки бизнесмена. Вместе мы такие дела провернем... Не возражаешь?

Лиля пожалала плечами, заглянув в свой стаканчик:

— Почему я должна возражать? Проворачивайте.

Саша расхохотался и показал ей сигарету, которую собирался закурить.

— Вот я про что, — сказал он. — Будешь?

— Я редко курю, — призналась Лиля. — Под настроение. И с ментолом.

— Это лучше всякого ментола.

Саша подмигнул и прикурил от зажигалки. В ночном воздухе расплылся приторный запах марихуаны. Только тогда Лиля заметила, что дымящаяся сигарета толще обычной и без фильтра.

— Я воздержусь, — сказала она и включила телефон, чтобы посмотреть, который час.

— Ну и зря. — Саша заговорил сдавленным голосом, потому что старался как можно дольше удерживать дым в легких. — Взрослая жизнь начнется, не побалуешься.

— Со спиртным вроде не рекомендуется мешать.

— Кем? Минздравом? — Саша рассмеялся. — Я, как видишь, мешаю и не жалуясь.

— Я не пробовала никогда, — призналась Лиля.

— Дело нехитрое. Берешь в рот и тянешь в себя.

Лиля бросила на него быстрый взгляд, проверяя, не издевается ли он, но на его лице не читалось ничего, кроме довольства.

— Ну давай попробую, — сказала она, протягивая руку.

— Держи.

Саша вручил ей дымящуюся сигаретину. Лиля осторожно затянулась.

— Смелей, — сказал он. — Глубже затягивайся и не торопись выдыхать. В этом весь кайф.

— Не чувствую я никакого кайфа, — сказала она. — Лучше ликера налей.

— Кончился, — сказал Саша и в подтверждение своих слов перевернул бутылку горлышком вниз. — Очень вовремя. Пить нельзя. Кайф ломается.

— Да нет у меня никакого кайфа, — повторила Лиля, прислушиваясь к своим ощущениям.

Она была ленивой и расслабленной. Ей захотелось лечь и закрыть глаза.

— Может, по домам? — предложила она. — Проводишь меня?

— Конечно, — кивнул Саша. — Только давай посидим еще немного. Так хорошо.

— Хорошо, — согласилась Лиля и задрала голову, чтобы посмотреть на небо. — Звезд сколько! — пробормотала она заворуженно.

— Прикинь, — сказал он. — А что, если они не настоящие? И вокруг... — Он повел рукой. — Вокруг типа планетария. Помнишь, нас в седьмом классе водили?

— Я болела тогда. Пропустила.

— Один к одному — планетарий, — сказал Саша. — Фонариков понатыкали и все дела.

Лиля хотела возразить, но ничего умного в голову ей не пришло. Тогда она просто засмеялась, представив себе, как кто-то вкручивает и выкручивает лампочки в небосводе. Она поделилась мыслью с Сашей, и он сложился пополам от хохота. Они стали смеяться вместе, наперебой выкрикивая разные остроумные предположения и шуточки. Так продолжалось довольно долго, пока Лиля не обессилела от непрерывного смеха. Тогда она сделалась вялой и безразличной, легла спиной на лавку, опираясь ногами в землю.

— Забалдела? — спросил Саша.

— Мне плохо, — сказала она, с трудом ворочая языком. — Я сознание теряю.

— Дыши. Тебе нужен свежий воздух.

— Я... мне плохо.

— Сейчас, — сказал Саша, поднимая ее на руки. — Сейчас.

— Куда ты меня несешь? — равнодушно осведомилась Лиля.

— Расслабься. Такая ночь! Просто закрой глаза.

— Я не хочу!

— Это сон. Тебе снится...

Он разложил ее на траве и принялся раздевать. Лиля ворочалась под ним и пыталась отталкивать, но рукам ее не доставало силы, а сама она была тяжелой и податливой, словно слепленной из теста. Он и вошел в нее, как в тесто, не встретив препятствий и сопротивления. Лиля смотрела в небо широко открытыми глазами и пыталась определить, настоящие ли звезды сверкают над ней. Ей было тяжело и неудобно, но хуже всего было ощущение того, что она не принадлежит себе, не владеет своим телом и не управляет мыслями. Проклятая травка.

А Саша Беляев все ерзал на ней и сосал ее горло, ерзал и сосал. Выпускной вечер продолжался, плавно переходя в утро.

ГЛАВА 3

ПРИДИ И ВОЗЬМИ

— А вы как думали, гражданин Дергач? — спросил следователь. — Надеялись, что это сойдет вам с рук? Все простится и забудется, да? Но нет, тут вы просчитались. Военные преступления не имеют срока давности.

— Я не совершал военных преступлений, — сказал Артем. — Я воевал.

— В вашем случае это одно и то же, — отрезал следователь. — Потому что никто вас в армию не призывал и воевать не посылал. Это была ваша личная инициатива, гражданин Дергач. Та самая, которая наказуема. Что ж, покатались на саночках, теперь повозите их. В местах лишения свободы.

Следователь с удовольствием откинулся на спинку крутящегося офисного кресла. Его фамилия была Купельник, и в молодости его наверняка дразнили Купальником или Коперником. Теперь ему перевалило за тридцать, и он не собирался прощать мир за все унижения и издевательства, через которые ему пришлось пройти. С такой обширной ранней лысиной и дегенеративно срезанным подбородком только и остается отыгрываться на тех, к кому природа отнеслась с симпатией или хотя бы со снисхождением.

— Я пошутил насчет войны, — сказал Артем. — Ни на какой войне я не был. Я мирный человек.

— Вот как? — вкрадчиво произнес следователь и резко подался вперед, улегшись грудью на стол и вперив сверлящий взгляд в переносицу Артема. — А у меня есть свидетельства, прямо указывающие на ваше присутствие в зоне ведения боевых действий.

— Какие еще боевые действия? — спросил Артем, спокойно выдерживая пронизательный следовательский взор. — Разве мы с кем-то воюем? Идет война?

Следователь покраснел так сильно и резко, словно на него плеснули кипятком.

— Не прикидывайся идиотом, Дергач, — прошипел он. — Ты все прекрасно понимаешь.

— Нет. Не понимаю.

— Так тебе объяснят, — пообещал следователь. — Я вас задерживаю на трое суток, гражданин Дергач. За это время суд вынесет постановление о вашем содержании под стражей в следственном изоляторе. А там поглядим, как вы умничать будете, гражданин. — В глазах Купельника полыхнула ненависть. — Я тебя сгною, Дергач, понял?

Это были не пустые угрозы. Вчера ты был добровольцем, а сегодня объявляешься участником незаконного вооруженного формирования. Война закончена, и твой батальон превращается в ОПГ — организованную преступную группировку. Вполне достаточно, чтобы всю оставшуюся жизнь провести на нарах.

— За что? — спросил Артем.

Он действительно хотел понять. Надеялся услышать честный ответ. Напрасно.

— За противоправные действия, — сказал следователь. — Закон есть закон, и перед ним все равны, гражданин Дергач. Вы на чьей машине приехали? Откуда она у вас? Можете документально подтвердить ее происхождение?

Артем опустил взгляд, нахмурившись. Так вот в чем дело. «Лендрровер». До того как перейти к Артему, автомобиль был отжат у какого-то коммерсанта, и тот был счастлив, что у него не отобрали заодно жизнь. Теперь времена поменялись.

— Машина принадлежит моему знакомому, — сказал Артем. — Он выписал мне доверенность перед... Гм. На всякий случай.

— Как его фамилия? — осведомился следователь, напуская на себя равнодушный вид.

Актер из него был никудышный. Равнодушие, в отличие от ненависти, получилось насквозь фальшивым.

— Не помню, — ответил Артем.

Не мог же он сказать, что бывший владелец «Лендрровера» кормит червей в земле. Могут вообще убийство пришить.

— Зато я помню, — улыбнулся следователь. — И этот клубок будет распутан, не сомневайтесь, гражданин Дергач. Уж если я берусь... —

Он демонстративно сжал пальцы в кулак. — Если берусь, то так просто не отпускаю.

Почудилось Артему или нет? В слова «просто так» был вложен какой-то особый смысл? Похоже, да. Нужно прощупать почву, чтобы не ошибиться.

— От машины одна головная боль, — проворчал Артем. — Хочу от нее избавиться.

— Не так-то просто избавиться от улики, — сказал следователь, сразу став цепким и собранным, как охотничий пес, сделавший стойку.

По кабинету бесшумно витали тополиные пушинки. Похожие на снег, они придавали происходящему что-то фантазмагорическое.

— Продать «ровер», что ли? — Артем стал размышлять вслух. — Недорого. Чтобы сразу забрали.

Следователь деловито положил перед собой стопку бланков и занес жало ручки.

— Выписываю ордер, — зачем-то предупредил он.

— В принципе, тачку можно передать по доверенности третьему лицу, — произнес Артем, ни к кому конкретно не обращаясь. — В принципе.

— Вот как мы поступим, — задумчиво произнес следователь. — Я продиктую вам все свои паспортные данные. Вы заберите их с собой. — Он перевернул бланк чистой стороной и придвинул к Артему. — Поразмыслите как следует, гражданин Дергач, прикиньте что к чему. Может, что вспомните. Может, надумаете чего.

— Значит, обойдемся без задержания? — спросил Артем.

— Воздержимся, — ответил следователь. — Пока. — Он поднял указательный палец. — Дальше видно будет.

— Спасибо.

— Не за что. Пока. — Должно быть, следователю нравилось это слово, потому что он произнес его с нажимом и опять вскинул палец. — Звоните, гражданин Дергач. И думайте, думайте. — Палец легонько постучал по следовательскому виску. — Времени у вас немного. Прямо скажем, в обрез времени. Так что не теряйте его даром.

— Не буду, — пообещал Артем чинно, попрощался и отправился в гараж, где у него были припрятаны кое-какие запасы.

Памятные сувениры о войне, которой как бы никогда не было. На той несуществующей войне Артему как-то довелось делать растяжку под руководством опытного сапера, и он запомнил все тонкости. Повторить все в нужной последовательности и с должной тщательностью не составило особого труда. Когда дело было сделано, Артем позвонил следователю и сказал:

— Я надумал.

— Не по телефону, — быстро сказал Купельник. — Встретимся через час на площади напротив кинотеатра «Космос».

— Возле фонтана?

— Угу. Поедим мороженого, потолкуем. Там вкусное продают, в вафельных рожках. Любите мороженое?

— Давно не ел, не помню, — ответил Артем.

— А вы шутник! — Следователь засмеялся.

Это был счастливый смех человека, получившего свое. Артем тоже посмеялся в трубку. Вежливо.

Он явился на пятнадцать минут раньше, раскинул руки поверх спинки лавки и стал ждать, поглядывая на проходящих мимо женщин. Они его почему-то не волновали. На войне все только и говорили про баб и про то, что станут с ними делать по возвращении. Женатые отмалчивались, но было видно, что тема и им не безразлична. Почему же апатия охватила Артема? Он чувствовал себя обманутым, как человек, спешивший на праздник, а попавший на шапочный разбор, когда все съедено, выпито, затоптано и изгажено. Мирная жизнь не была прежней и не была такой, какой представлялась в мечтах.

Проверив, не видно ли на подходе Купельника, Артем сверился с записью и набрал телефонный номер.

— Я по объявлению звоню, — сказал он. — Оно еще в силе?

— Да, — ответил вежливый мужской голос. — Санитары нам нужны. Как у вас с физической подготовкой? Возраст?

— Я только что из армии вернулся, — сказал Артем, подумал и добавил: — Со сверхсрочной.

Он рассказал о себе, что мог и что хотел, ответил на несколько вопросов, потом стал задавать свои. Как далеко находится клиника? Действительно ли место такое уединенное и его нельзя покидать до окончания контракта? Возможно ли перечислять зарплату на

банковский счет? Как обстоят дела с кормежкой и проживанием? Сколько длится рабочий день?

— Мне ведь не придется за психами круглосуточно ходить? — пожелал он знать.

— У нас не психи, — сухо произнес голос.

— Извините.

— У нас пациенты, молодой человек. Это элитная психиатрическая клиника, имейте в виду. Все на высшем уровне. И уход, и лечение, и обеспечение персонала.

— Я понял, — сказал Артем. — И готов соответствовать.

— С вами свяжутся, — пообещал голос. — Состоится личная встреча с нашим представителем. И если вы подойдете нам по всем параметрам, разговор будет продолжен.

Они попрощались, и Артем заметил Купельника возле киоска мороженщика. Тот тоже увидел Артема и выставил ладонь в приветственном жесте. Однако мороженое купил только одно, давая понять, что никого угощать не намерен.

— Вкусно? — спросил Артем, когда Купельник расположился рядом. — Шарики зеленые. Фисташки?

— Авокадо.

— Взяли бы фисташковое. Оно лучше.

Купельник ничего не ответил, занятый рассасыванием холодного шарика. Раздраженный беспредметной болтовней Артема, он отхватил зубами слишком большой кусок и теперь кривился.

— Зуб? — участливо спросил Артем. — Холодное заходит? У меня так тоже было, когда пломба выпала. Я...

— Вы замолчите наконец? — спросил Купельник, проглотивший свое мороженое.

— Я думал, мы встретились, чтобы поговорить.

— Не про ваши пломбы, Дергач. Принесли?

Хотелось подразнить его подольше. Спросить, например, что он имеет в виду. Непонимающе похлопать глазами. Но Артем подавил желание. Уж больно нервно вел себя следователь. Мог вскочить и уйти. Или вызвать наряд прямо на площадь. Артем не собирался ни в тюремный изолятор, ни даже в камеру предварительного заключения. Он предпочитал оставаться на свободе. С жизнью бы он еще, пожалуй,

расстался, если бы понадобилось. Но не со свободой. Ее Артем ценил больше. Война научила.

Он приподнялся, достал из заднего кармана ключи с фирменным брелоком и сказал:

— Владейте.

Купельник выбросил недоеденный рожок в урну и принялся вытирать руки салфеткой.

— Доверенность где? — отрывисто спросил он. — Техпаспорт?

— Все в машине, — ответил Артем, лениво раскидывая руки по спинке лавки, как они лежали до появления следователя. — За козырьком.

— Почему сюда не принес?

— Я что, больной? Дача взятки по закону карается, как и принятие.

— Какая взятка, какая взятка? — Купельник быстро оглянулся по сторонам. — Ты думай, что говоришь, парень. Помни, с кем имеешь дело.

— Я помню, — коротко произнес Артем.

Он имел дело с подлым вымогателем, который, возможно, не его первого обирал среди бела дня. И уж точно не последнего. Такой войдет во вкус — не остановишь.

— Неси документы, — велел следователь.

— Думаешь, я стал бы с тобой мутки устраивать? — грубо спросил Артем. — Какой смысл? Чтобы через пять минут на меня наручники надели?

Купельник уставился на Артема, пытаясь прочесть его мысли. Его лысина влажно блестела от напряжения.

— Бумаги за козырьком от солнца, — повторил Артем. — Тачка твоя. Доволен? Больше у меня ничего нет. Могу быть свободен?

— Да, — обронил следователь. — Пока. Где «Ровер»?

— За кинотеатром строительный супермаркет, знаешь?

— Ну?

— Там стоянка. Машина в дальнем конце стоит.

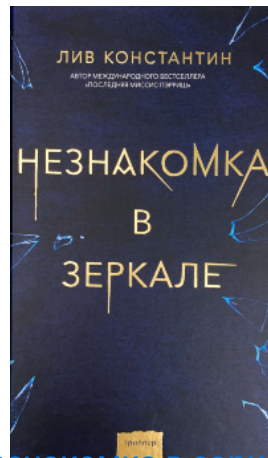
— В дальнем от чего? — нетерпеливо спросил Купельник.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте,
будь ласка, повну версію книги.

Рекомендована література

Очерк истории
Киевской земли. От
смерти Ярослава до
конца XIV столетия

Незнакомка в зеркале

Перейти до категорії
Трилер

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ